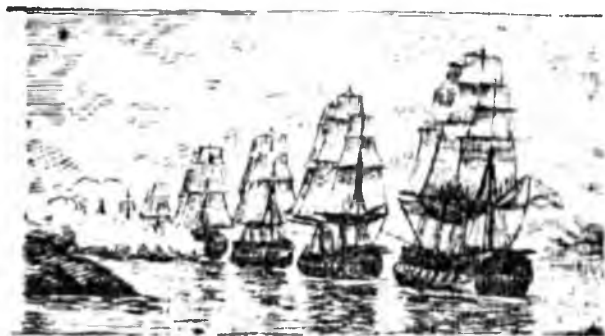

Р.Н.МОРДВИНОВ

НАВАРИНСКИЙ БОЙ

ОГИЗ·ГОСПОЛИТИЗДАТ·1945

Р. Н. МОРДВИНОВ

НАВАРИНСКИЙ БОЙ

ОГИЗ

Государственное издательство
политической литературы

1945

I

Национально-освободительная борьба в Греции и вмешательство европейских держав

Сражение в греческой бухте Чаварин 8 октября 1827 г., где русская эскадра вместе с английской и французской разгромила турецко-египетский флот и оказала тем помощь греческому народу в его борьбе за независимость, вошло яркой и значительной страницей в историю русского военно-морского флота.

Греция с 1540 г. находилась под владычеством Турции. Иго чужеземных властителей не раз вызывало восстания греков. В конце XVIII в. под влиянием французской буржуазной революции и развития своей, национальной, промышленности национальное самосознание греческого народа ещё больше возросло. В 90-е годы XVIII в. греческий поэт Рига, патриот и организатор тайных политических обществ, уроженец Фессалии, составил знаменитый греческий народный гимн, начинавшийся словами: «Идём, дети эллинов, час славы наступил...» Особенно острый характер национально-освободительная борьба приняла в 20-х годах XIX в.

Греки восстали одновременно в Эпире, Морее и на островах. Матросы и рыбаки с островов первыми начали восстание. В апреле 1821 г. восстания охватили всю Грецию. В Морее через три недели восставшие уже осадили центр её — Триполис — и штурмом овладели им. В начале 1822 г. греческое национальное собрание провозгласило независимость Греции.

Борьба велась долгая и упорная одновременно во многих местах. Разрозненные силы восставших не могли устоять против посланных на подавление регулярных турецких войск. В большинстве провинций восстание в период 1823—

1824 г. было подавлено. Только в Морее, на островах и в центральной Греции повстанцы продолжали ещё держаться.

Положение греков ухудшилось ещё более, когда турецкий султан Махмуд II в 1825 г. получил помощь от египетского султана, шаводившегося в вассальной зависимости от Турции. Египетский султан послал в Грецию своего сына Ибрагима с флотом и большим количеством войск, которые высадились на юге и начали наступление на Морею.

Одновременно сухим путём, с севера, была прислана другая армия, которая осадила и затем захватила штурмом одну из лучших крепостей греков—Миссолонгиез. В 1826 г. войсками Ибрагима-паши была захвачена почти вся Морея. В 1827 г. была взята и столица Греции — Афины.

В эти критические для греков минуты особенно ценной была помощь, оказанная многими европейскими странами, в которых были созданы общественные организации, носящие название «Филэллинов». Организации эти собирали пожертвования деньгами и вербовали волонтёров. Тысячи волонтёров за годы национальной освободительной борьбы греков были направлены ими в Грецию; среди них, как известно, был и великий английский поэт Байрон, отдавший за дело освобождения греков свою жизнь (1824 г.).

Греческое восстание нашло широкий отклик среди передовых людей России.

Великий русский поэт Пушкин посвятил греческому восстанию ряд стихов, в том числе и следующие строки:

Встань, о Греция, встань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп, и Пинд, и Фермопилы.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
Гюд пеньё пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

В освободительную борьбу Греции вмешались правительства крупнейших держав мира — Англии, России и Франции. При этом каждая из стран исходила из своих собственных интересов.

Русский царь Николай I стремился использовать греческое восстание для ослабления Турции и укрепления своих позиций на Чёрном море, завоёванных в русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг.

Развитие военных действий против Турции было в интересах русского правительства также и потому, что они могли помешать планомерному проведению в Турции военной реформы, сводившейся к организации в турецкой армии регулярных частей, обучение которых производилось иностранными инструкторами.

Правящие классы Англии были экономически и политически связаны с греческой буржуазией и стремились инициативу в разрешении греческого вопроса держать в своих руках, стараясь, однако, избежать при этом разрыва и открытой войны с Турцией.

Франция опасалась изолированного выступления России и, не желая усиления её позиций на Ближнем Востоке, активным вмешательством в греческий вопрос стремилась к усилению в Греции своего влияния. Кроме того, французское правительство знало, что, в случае поддержки им России в греческом вопросе, Россия, в свою очередь, поддержит Францию в её стремлении к приобретению левого берега Рейна.

Австрийское правительство Меттерниха рассматривало греческое восстание как мятеж подданных против законного повелителя и открыто поддерживало турецкого султана. Австрия особенно опасалась возможности проникновения России на Балканы, так как это угрожало планам устремления немецкого господства на Балканский полуостров.

В начале 1826 г. Англия выступила инициатором коллективного воздействия на Турцию стран, заинтересованных в греческом вопросе. В результате переговоров между Англией и Россией 23 марта 1826 г. в Петербурге был подписан протокол о взаимных действиях. Через год, 24 мая 1827 г., в Лондоне было заключено соглашение (конвенция) между тремя державами — Англией, Францией и Россией. Конвенция предусматривала совместные действия, направленные к тому, чтобы добиться для Греции широкой автономии. Турции предлагалось, при сохранении её верховной власти над Грецией и получении с неё ежегодной дани, предоставить грекам свободу вероисповедания, торговли и управления, признать за ними право выбора собственной администрации. Турки, согласно конвенции, обязаны были выселиться из греческих областей, получив денежное вознаграждение за свою недвижимость.

Лондонская конвенция включала статью, предписывающую вооружённое давление на Турцию в случае отказа её

принять посредничество великих держав и отклонения предложения предоставить грекам автономию. До получения ответа державы решили прибегнуть к вооружённой демонстрации и направить к берегам Мореи свои эскадры.

II

Поход русской эскадры

ве лучшие боевые эскадры кораблей Балтийского флота под флагом генерал-адъютанта адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 18 мая 1827 г. были выстроены на Кронштадтском рейде, готовые к дальнему походу. Первая эскадра состояла из 5 линейных кораблей и 3 фрегатов, вторая эскадра имела в своём составе 4 линейных корабля, 4 фрегата и 1 корвет.

Корабли эскадры по своим качествам были далеки от совершенства, так как в большинстве своём это были старые, ветхие суда, но за зиму они были отремонтированы и к весне готовы были к плаванию. Произведя осмотр судов, Сенявин мог быть удовлетворён плодами своих забот и трудов подчинённых. Корабли выглядели хорошо, экипажи были подтянуты, чувствовалась дисциплина. Личный состав эскадры был рад и горд тем, что предстояло плавание под флагом прославленного адмирала Сенявина, вернувшегося снова во флот после двенадцатилетнего пребывания в отставке¹. Каждый русский моряк знал о славных боевых делах Сенявина — ученика и соратника знаменитого адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова.

Дмитрий Николаевич Сенявин происходил из старой семьи моряков, представители которой, начиная с героя петровских времён — Наума Сенявина, служили в русском флоте. Дмитрий Николаевич Сенявин не раз громил турецкие эскадры; так же как и Ушакова, турки считали его «грозой». По всей России ходили рассказы о том, как Сенявин бил турок в войне 1807 г. У многих старожилов на эскадре ещё в памяти было ставшее историческим Афонское сражение (19—22 июня 1807 г.), в котором турецкая эскадра, несмотря на перевес в огневой мощи (1 196 пушек

¹ При Александре I знаменитые прославленные русские адмиралы Ушаков и Сенявин попали в опалу и были уволены в отставку. Ушаков в отставке умер, Сенявин же при вступлении на престол Николая I был возвращён обратно на службу.

против 754 русских), была наголову разбита, потеряв 3 линейных корабля и 5 фрегатов; Сенявин же при этом не потерял ни одного корабля. В этом бою был пленён турецкий адмирал Бекир-бей, а флагманский 80-пушечный линейный корабль «Сед-Эль Бахр» был захвачен и включён в состав русского флота. В повседневной своей деятельности Сенявин передавал накопленный им богатейший морской и боевой опыт молодому поколению русских моряков. Он был учеником и преемником «ушаковской школы», в которой ковалась русская победоносная маневренная тактика и которая воспитывала моряков в духе отваги и патриотизма. Верный заветам своего учителя адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова, Сенявин неустанно передавал его боевые традиции своим ученикам, среди которых особенно выделялся и был им любим начальник штаба эскадры, он же командир «Азова», капитан 1-го ранга Михаил Петрович Лазарев.

Эскадра снялась с якоря и ушла из Кронштадта 10 июня 1827 г. Порт назначения был указан — Портсмут (Англия). Чтобы истинная цель похода была лучше скрыта, официальным мотивом для похода была объявлена якобы морская практика. В Портсмуте, куда корабли прибыли 17 июня, русские моряки были радостно встречены английским населением, питавшим симпатии к русскому народу. Во время перехода адмирал Сенявин держал свой флаг на линейном корабле «Азов», командиром которого был Михаил Петрович Лазарев — один из лучших капитанов на эскадре. Вскоре адмирал Сенявин получил новые инструкции из Петербурга, переданные ему русским послом в Англии князем Ливеном. В инструкции говорилось о том, чтобы Сенявин из состава своих кораблей по собственному выбору выделил самостоятельную эскадру и под командой контр-адмирала Гейдена направил её в Средиземное море.

В секретной инструкции контр-адмиралу Гейдену указывалось, что если Турция будет продолжать военные действия в Греции, то посланные три эскадры (английская, русская и французская) должны будут крейсировать в море и не допускать переброски в Грецию новых турецко-египетских войск и боеприпасов. При этом в инструкции предусматривалась возможность применения со стороны союзных эскадр вооружённой силы.

Порта отвергла посредничество трёх держав, и Гейдену предложено было в связи с этим ускорить отправку эскадры в Средиземное море. Заготовление провизии, дров,

воды, а также противные ветры задерживали отправление кораблей. Эскадре пришлось простоять ещё 9 дней на Портсмутском рейде, когда, наконец, 20 августа 1827 г. в 3 часа дня русские корабли снялись с якорей и направились по назначению.

В состав эскадры контр-адмирала Гейдена входили четыре линейных корабля¹: «Азов» — 74 пушки, «Гангут» — 84 пушки, «Александр Невский» — 74 пушки, «Иезекиил» — 74 пушки. Четыре фрегата²: «Константин» — 44 пушки, «Проворный» — 44 пушки, «Елена» — 36 пушек, «Кастор» — 36 пушек. Один корвет³ «Гремящий»⁴ — 24 пушки.

Личный состав эскадры оказался крепко спаянным совместной службой. Капитаны кораблей, как и командир эскадры, а также и многие другие офицеры были старые опытные моряки, проплывшие многие тысячи миль по морям и океанам и являвшиеся в прошлом участниками славных боевых дел.

Так, например, начальник штаба эскадры, капитан 1-го ранга Лазарев, совершил три кругосветных плавания, а будучи ещё гардемаринном плавал волонтером на судах английского флота. Четыре кампании, проведённые им в юности на английских судах, а позднее — кругосветные плавания на русских кораблях были прекрасной военно-морской школой для него. Все полезные сведения и навыки, приобретённые там, он впоследствии старался прививать на больших кораблях родного русского флота.

Лазарев пользовался всеобщим уважением. Он обладал редким умением воспитывать в подчинённом ему личном составе все лучшие и необходимые качества моряка. Его прекрасные способности организатора, командира и воспитателя всегда быстро и благоприятно сказывались на тех кораблях, которыми ему приходилось командовать.

Лазарев довёл впоследствии Черноморский флот до образцового состояния и воспитал многих будущих героев Севастопольской обороны.

Офицером на «Азове» был любимый ученик Лазарева и

¹ *Линейный корабль* — самый большой боевой корабль, имевший назначение вести артиллерийский бой с противником.

² *Фрегат* — второй по величине (после линейного корабля) боевой корабль парусного флота; имел своим назначением крейсерство, разведку, конвоирование, обладал наибольшей скоростью.

³ *Корвет* — трёхмачтовое военное судно, предназначалось для разведывательных целей, иногда для крейсерования.

⁴ Корвет «Гремящий» до сражения был отослан в крейсерство и участия в бою не принимал.

его воспитанник Павел Степанович Нахимов. Ещё в 1822 г. молодой мичман Нахимов был назначен вахтенным офицером на фрегат «Крейсер», направлявшийся в кругосветное плавание к берегам Северной Америки. Фрегатом тогда командовал Лазарев. Здесь-то и началась их совместная служба.

Будущий герой Севастополя многому научился у своего учителя-командира.

Мичманом на «Азове» был будущий герой Севастопольской обороны и знаменитый русский адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. Молодой мичман был на 6 лет моложе Нахимова. Родился он в 1806 г. в семье известного моряка, капитана 1-го ранга Алексея Михайловича Корнилова. В 1823 г. Корнилов окончил морской корпус и был произведён в офицеры. После службы на шлюпе «Смирный», а затем в гвардейском и 20-м флотских экипажах Корнилов был направлен на линейный корабль «Азов» незадолго перед его отплытием в Средиземное море. Корнилов поражал своих сослуживцев проницательностью ума, способностью быстро схватывать вопросы, широтой взглядов.

Михаил Петрович Лазарев быстро оценил в нём знающего и культурного командира и с присущей ему целеустремлённостью энергично взялся за воспитание молодого мичмана. Длительное пребывание на «Азове» послужило для Корнилова серьёзной школой. Во время похода Лазарев часто использовал Корнилова в качестве штабного офицера эскадры.

Вместе с Корниловым и другими «азовцами» с нетерпением ожидал наступления часа настоящего боевого дела также будущий герой Севастополя, гардемарин Владимир Иванович Истомин. Молодому Истомину в тот период едва минуло 20 лет. На корабле он обратил на себя внимание Лазарева своим старанием в службе и большой любознательностью. В нём можно было без труда угадать будущего прекрасного морского офицера. На шлюпочных и парусных учениях гардемарин Истомин был всегда впереди своих сверстников. Любовь к морской стихии, решительность и бесстрашие были уже тогда отличительными чертами его натуры.

Старейшим из командиров кораблей на эскадре был капитан 1-го ранга Свинкин Иосиф Иванович, командовавший линейным кораблём «Иезекиил». Он помнил ещё службу во флоте в екатерининские времена, не раз приходилось

ему сражаться под командой Ушакова и Сенявина. В своём морском и боевом активе ко времени Наваринского похода он насчитывал свыше 30 кампаний в различных широтах земного шара и 28 неприятельских кораблей, потопленных и взятых в плен под его непосредственной командой.

Командиром линейного корабля «Гангут» был капитан 2-го ранга Александр Иванович Авинов. Так же как и Лазарев, будучи гардемаринном, он плавал на судах английского флота, где ему удалось принять участие в историческом Трафальгарском сражении под командой знаменитого английского адмирала Нельсона. После возвращения из Англии Авинов непрерывно плавал на кораблях русского флота. В 1819—1822 гг., во время кругосветного плавания на шлюпе «Открытие», он сделал описание части североамериканского побережья, где один из мысов назван его именем (мыс Авинова).

Командиром «Александра Невского» был капитан 2-го ранга Лука Фёдорович Богданович. С 1805 по 1808 г. он плавал в Средиземном море, на эскадре адмирала Сенявина. В отечественную войну 1812 г., командуя дивизионом канонерских лодок, отличился в действиях на реке Аа при взятии Митавы, а в 1813 г. — при осаде Данцига.

Много было и других замечательных офицеров на эскадре. На «Гангуте», например, старшим офицером был имевший уже тогда большую известность своими исследованиями северных берегов Сибири капитан-лейтенант Пётр Фёдорович Анжу. Это им были сделаны непревзойдённые до сих пор описания островов Ляховских, Новая Сибирь и Фадеев. Можно было бы перечислить ещё много фамилий достойнейших офицеров, показавших, что на эскадре, отправившейся тогда в Средиземное море, был боевой, закалённый, состоящий из отличных моряков командный состав.

Масса матросов на кораблях эскадры состояла в основном из крепостных крестьян, взятых по рекрутским наборам. Имена и фамилии их, к сожалению, нам мало известны. Старая (буржуазно-помещичья) историческая литература оставила нам много описаний геройств и подвигов офицерского состава и, наоборот, очень скудные сведения в отношении матросской массы. Если и говорилось о геройстве, то главным образом в целом, обо всём экипаже, без упоминания отдельных лиц. Но всё же по дошедшим до нас скудным сведениям, по пожелтевшим документам, сохранившимся в архивах, мы узнаём, например, что на «Гангуте»

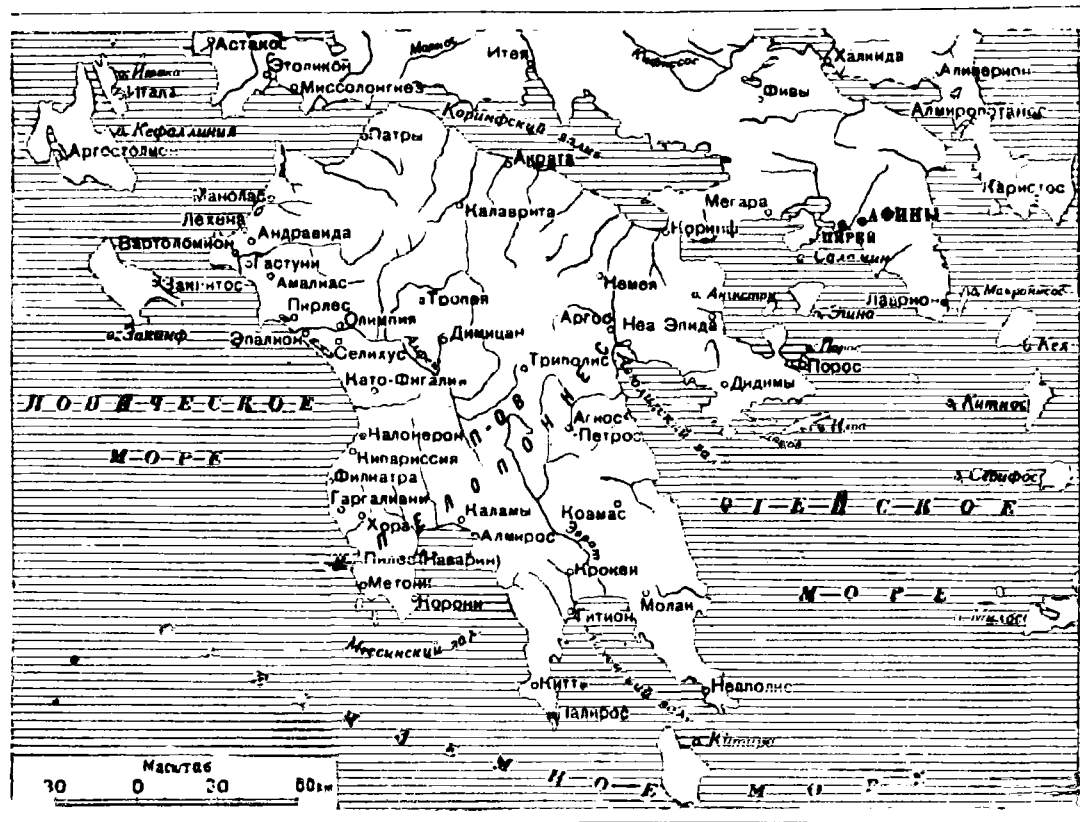

Схема южной части Греции

плавал тогда матрос 1-й статьи Богучаров, уроженец Венёвского уезда, Гульской губернии, бывший крепостной; на «Александре Невском» — матрос 2-й статьи Демьян Артемьев из крепостных Рязанской губернии, Касьяновского уезда; на «Азове» — матросы 2-й статьи Евдоким Игнатьевич Нечаев и Тимофей Филиппович Жданов, оба земляки, вологодские хлебопашцы; на «Иезекииле» все уважали старого барабанщика Ивана Филипповича Савина, тоже вологодского крестьянина из Усть-Сысольского уезда; на «Азове» были ещё петербургский подмастерье матрос Михаил Архипов и эстонский рыбак матрос Юрий Томпсон; на фрегате «Кастор» — матрос 2-й статьи Сотский, бывший крепостной Боровичского помещика генерала Пескочина. Вот немногие имена, дающие некоторое представление о том, из кого состояли геройские экипажи будущих «наваринцев». Вот из таких-то вологодских, тульских, рязанских, тверских хлебопашцев, изредка подмастерьев, в большинстве своём крепостных, состояли команды кораблей эскадры.

Основным театром действий, где развернулась борьба, была южная часть Балканского полуострова и Ионическое и Эгейское моря, большинство островов которых были заселены греками. Часть островов, перешедшая в руки повстанцев, служила базами для снабжения восставших оружием и людьми. С помощью населения этих островов греческие моряки прорывали блокаду побережья, установленную турецким флотом.

Командир эскадры Гейден на основании полученной инструкции предполагал идти прямо в Мессину, не заходя в промежуточные порты, но противные ветры были причиной того, что плавание затянулось дольше обычного срока. При благоприятном ветре в начале плавания эскадра в шесть дней достигла мыса св. Марин, 13 августа прошла параллель Лиссабона, но тут попала под сильный встречный восточный ветер, который дул почти без перемены до 7 сентября, и от Гибралтара до острова Минорки суда должны были лавировать. Невдалеке от порта Палермо 9 сентября эскадра выдержала шторм, во время которого погиб мичман линейного корабля «Азов» Домашенко при спасении упавшего за борт матроса. Это произошло при следующих обстоятельствах: в 9 час. утра при уборке лишних парусов перед началом шквала с реи упал в воду матрос. Мичман Александр Домашенко, желая спасти его, бросился в воду и, проплыв значительное расстояние, схватил утопающего,

однако большими волнами и нашедшим шквалом его стало относить от корабля. С «Азова» спустили шлюпку, но она не успела подойти, как Домашенко вместе с матросом погрузился в воду. Весть о трагической гибели молодого офицера с большой печалью была встречена на эскадре¹. Особенно огорчены были его соратники по «Крейсеру», с которыми он ходил в кругосветное плавание, — Михаил Петрович Лазарев и Павел Степанович Нахимов. Последний в связи с этим писал своему товарищу лейтенанту Рейнеке: «О, любезный друг, какой великодушный поступок, какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего. Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещён в истории нашего флота, а бедная мать и родные не будут награждены, которые им только и держались». Самоотверженный поступок мичмана Домашенко показал, насколько спаян был коллектив «азовцев», воспитанный Лазаревым.

После 33-дневного пребывания в пути эскадра бросила якорь на Палермском рейде (1 сентября), чтобы принять пресную воду и исправить незначительные повреждения в оснастке. Здесь получено было распоряжение из Петербурга (от 17 июля), в котором предписывалось спешить в Архипелаг. 18 сентября эскадра снялась с якоря. Прибыв в Мессину 27 сентября, эскадра взяла лоцманов и в тот же день отправилась к острову Занте. 1 октября в нескольких милях от Занте русские суда встретились с английской эскадрой.

В этот же день обе эскадры встретились и с французской эскадрой, бывшей под командованием контр-адмирала Де-Риньи.

Командир английской эскадры вице-адмирал Кодрингтон по указанию своего командования должен был предложить командовавшему турецко-египетскими силами в Морее Ибрагиму-паше установить с греками перемирие. В противном случае Кодрингтону предписывалось принять все меры к тому, чтобы не допустить переброски войск и оружия, шедших для усиления турецко-египетской эскадры. При этом указывалось на необходимость проявлять осторожность и по возможности избегать открытых военных столкновений. Лишь в случае, если принятые меры не окажут

¹ Мичману Домашенко балтийские моряки соорудили памятник в Кронштадтском городском саду. Памятник стоит и до сих пор.

должного воздействия, предусматривалась возможность применения оружия.

Вскоре после прибытия английской и французской эскадры к берегам Мореи Ибрагим-паша при личном свидании с Кодрингтоном 13 сентября 1827 г. дал согласие на перемирие, но практически его не выполнял и продолжал чинить насилия над греками.

Выполняя инструкцию, английская и французская эскадры крейсировали недалеко от Наваринской бухты, держа под своим наблюдением стоявший в ней турецко-египетский флот.

Наваринская бухта расположена в юго-западной части Мореи, внутри бухты находился укрепленный город Наварин, в древности — порт Пилос. Наваринская бухта защищена с моря длинным лесистым островом Сфактерия. Узкий вход в бухту был защищен с юга крепостью Наварин, а с северо-запада — батареями острова Сфактерии.

В период с 20 по 22 сентября выделенный Ибрагимом-пашой отряд турецко-египетских судов сделал попытку пройти в гавань Патрас (ныне Патры) на поддержку действовавших там против греков египетских войск, но после предупреждения был обстрелян последовавшими за ним кораблями английской и французской эскадры. Турецко-египетские корабли вынуждены были возвратиться обратно в Наваринскую бухту.

1 октября, как было уже отмечено, недалеко от острова Занте к союзным эскадрам присоединилась русская эскадра. Кодрингтон по этому поводу писал: «...Вечером французская эскадра пошла в Занте, а мы вместе с русскими продолжали свой путь к Наварину...»

Общее командование объединенными эскадрами, по соглашению между правительствами, было поручено старшему в чине английскому вице-адмиралу Кодрингтону.

2 октября объединенные союзные эскадры подошли к Наваринской бухте. Приход объединенных союзных эскадр вселил новые силы и энергию в восставших греков.

5 октября за подписью трёх адмиралов Ибрагиму-паше предложено было прекратить военные действия против греков. Это предложение было оставлено без ответа. Тогда адмиралы решили немедленно идти в Наваринскую бухту, стать там против турецко-египетского флота и этой демонстрацией принудить Ибрагима-пашу выполнить предъявленные ему требования. Вход в бухту объединенных эскадр был назначен на 8 октября.

Ночью на судах союзных эскадр начались боевые приготовления. Офицеры проверяли состояние крыйт-камер, батарей и запасного такелажа¹.

III

Наваринский бой

Перед началом движения в бухту вице-адмирал Кодрингтон объявил приказом по кораблям диспозицию эскадр. Согласно диспозиции французская эскадра должна была встать напротив египетских судов, на которых офицерами служили наёмные французы. Кодрингтон полагал, что последние не будут сражаться против своих соотечественников и этим окажут воздействие на ход сражения.

Английский флагманский корабль «Азия» вместе с кораблями «Генуа» и «Альбион» должен был встать напротив турецкого флагманского корабля.

В отношении русской эскадры Кодрингтон предложил контр-адмиралу графу Гейдену «поставить её последовательно вслед за английскими кораблями. Российские же фрегаты в таком случае могут занять турецкие суда, следующие по линии за русскими линейными кораблями». В диспозиции кроме того указывалось: «...Ни из одной пушки не должно быть выпалено с соединённого флота, прежде чем будет сделан на то сигнал, разве только в том случае, если огонь откроется с турецкого флота. Те из турецких судов, которые откроют огонь, должны быть истреблены немедленно...»

Корабли турецко-египетского флота стояли на якоре в глубине бухты, расположенные в несколько линий в форме полумесяца. Большие корабли расположились ближе к морю бортами, обращёнными к центру, малые суда стояли ближе к берегу и в промежутках между большими судами. Вблизи самого берега были расположены транспорты. По обоим флангам турецко-египетского флота стояли в готовности брандеры².

8 октября 1827 г. в 12 ч. 30 м. соединённые союзные

¹ Такелаж — совокупность снастей судна.

² Брандер — судно, которое служило для поджигания вражеских кораблей.

эскадры стали входить в Наваринскую бухту. Ветер был тихий и попутный. По распоряжению Кодрингтона боевой порядок при входе в бухту должен был быть такой же, как и походный. Англичане и французы составляли наветренную, или правую, колонну, русская эскадра—подветренную, левую; она двигалась несколько позади.

При входе в гавань флагманского английского корабля «Азия» к нему подошла шлюпка, с которой было передано требование Ибрагима-паши, чтобы эскадра повернула обратно. По приказанию Кодрингтона тут же был передан ответ, в котором говорилось: «Я пришёл не для того, чтобы получать приказания, а для того, чтобы их отдавать; и если по союзному флоту будет открыт огонь, то турецкий флот будет уничтожен».

Около 2 часов пополудни английские, а затем французские суда прошли мимо батарей и стали входить в бухту, занимая якорные места согласно объявленной диспозиции. «Азия» под флагом вице-адмирала Кодрингтона входила первой, с открытыми пушечными бортами, готовая к бою и к постановке на якорь.

Русская колонна в это время только приближалась к крепости. Английская и французская эскадры по диспозиции стали таким образом: на правом фланге—английский фрегат и два брига, французский фрегат и 2 линейных корабля, ближе к центру—английские линейные корабли и 1 французский линейный корабль, рядом с которым в самом центре было оставлено место для русских линейных кораблей. На левом фланге—2 английских и 1 французский фрегаты, английский малый фрегат и бриг, и ближе в направлении центра оставлено было место для 4 русских фрегатов.

Вскоре с правобортного английского фрегата «Дартмут» были посланы к стоявшему близ него египетскому брандеру шлюпки. Находившийся на одной из них английский лейтенант имел поручение потребовать отвода брандеров в места, где бы они были безопасны для кораблей союзных эскадр. При приближении шлюпок к брандеру с последнего был открыт ружейный огонь, которым был убит следовавший с поручением английский лейтенант. В ответ на стрельбу с брандера был открыт огонь из пушек английского фрегата «Дартмут». Тогда на ближайшем египетском корвете также была пущена в ход артиллерия, причём ядро ударило во французский флагманский корабль «Сирен».

Вице-адмирал Кодрингтон сделал ещё попытку послать Ибрагиму-паше парламента, но по дороге и этот был убит. В это время стрельба уже велась большинством кораблей и сражение сделалось всеобщим. Когда началась стрельба, линейный корабль «Азов» во главе колонны русской эскадры проходил между батареями Наваринской крепости и острова Сфактерии, с которых по русским кораблям был открыт перекрёстный огонь. Кроме того, русские корабли последовательно подверглись огню всех трёх линий правого фланга турецко-египетских судов. Место, где русским кораблям приходилось становиться на якорь, заволкло клубами дыма, и им приходилось пробираться между горящими брандерами под непрерывным свистом ядер. Но не обращая внимания на дым и огонь, русская эскадра в полном порядке подошла к отведённым ей местам и стала на якорь точно, согласно диспозиции. Манёвр этот всеми командирами русских кораблей был проведён так образцово, что вызвал восхищение всех видевших его англичан и французов. Против большинства русских кораблей стояли турецкие суда, расположившиеся под ветром, в центре, в строе полумесяца, влево от входа.

После того как «Азов» стал на якорь и паруса были убраны, Гейден отдал приказ открыть огонь. «Азов» вступил в бой сразу с пятью неприятельскими судами на расстоянии в 150—200 сажен. На паруса, мачты и палубу «Азова» стали обрушиваться 60-фунтовые и 36-фунтовые ядра турецких кораблей. Бой становился тяжёлым, корабль дрожал от попадавших в него неприятельских ядер. От пылавших турецко-египетских кораблей, подожжённых ядрами союзников, стоял нестерпимый жар. «Азовцы» изнемогая от него, обливались водой и снова наводили свои пушки, нанося кораблям противника чувствительный урон. Меткими выстрелами комендоров «Азова» была срезана грот-мачта стоявшего против него корабля противника. От рухнувшей мачты огромный турецкий корабль накренился на один борт, отчего другой его борт высоко поднялся, и ядра турецких пушек стали пролетать высоко над «Азовом». Вскоре повреждённый турецкий корабль вынужден был отойти на вторую линию. Почти одновременно от меткого русского снаряда, попавшего в крюйт-камеру ближайшего к «Азову» турецкого корвета, последний взорвался и быстро погрузился в воду. Но три находившихся здесь же турецких фрегата не имели ещё никаких серьёзных повреждений и теперь обрушили весь свой огонь по «Азову», при этом

на место повреждённого турецкого корабля подошёл новый турецкий фрегат. На «Азове» была выбита из степса¹ фок-мачта. Две пушки соскочили с брюков². От зажжённого фитиля, отброшенного в кучу картузов, стал взрываться порох, и начался пожар. В эти критические минуты «азовцы» проявили исключительное самообладание — быстро была организована работа по разборке картузов, и пожар был потушен. На баке³ раздавалась команда Нахимова, направляющая артиллерийский огонь носовых орудий.

Заметив трудную обстановку борьбы, сложившуюся для «Азова», Ла-Бретоньер, командир французского корабля «Бреслав», занявший при начале сражения невыгодную позицию, хотя и предусмотренную диспозицией Кодрингтона, немедленно обрубил канат и занял место между «Азовом» и английским кораблём «Альбион», облегчив этим положение русского флагмана. Со своей стороны «Азов», несмотря на то, что сам был окружён неприятельскими судами, помог английскому флагманскому кораблю «Азия», ведшему сражение с 84-пушечным линейным кораблём под флагом Мухарем-бея. Когда турецкий корабль вследствие того, что у него оказался перебитым шпринг⁴, повернулся кормой к «Азову», то с левого борта последнего был открыт огонь из 14 пушек, и через полчаса корма турецкого флагмана была совершенно разбита. Сильный огонь с «Азова» парализовал все усилия противника потушить возникший пожар, и турецкий корабль, отойдя в сторону, вскоре взлетел на воздух.

«Казалось весь ад развернулся перед нами, — писал впоследствии Нахимов своему другу Рейнеке. — Не было места, куда бы не сыпались книппели⁵, ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били всё в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться именно

¹ *Степс* — гнездо, в которое вставляется мачта.

² *Брюк* — толстый трос, имевший назначение удерживать орудие при откате.

³ *Бак* — носовая часть верхней палубы.

⁴ *Шпринг* — специальное приспособление из канатов, употреблялся для того, чтобы при всех переменах ветра или течения судно оставалось повернутым бортом в желаемом направлении.

⁵ *Книппель* — артиллерийский снаряд, состоявший из двух чугунных цилиндров, ядер или полуядер. Применялся для разрушения мачт, реек, вант, снастей и т. д.

Флагманский корабль «Азов»

с особым мужеством, чтобы выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чём нам отдают справедливость наши союзники)... О, любимый друг, кровопролитнее и губительнее сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что при Абукире¹ и Трафальгаре² ничего подобного не было...»³.

Боем руководили командир эскадры вице-адмирал Логин Петрович Гейден и командир «Азова», он же начальник

¹ Абукирское сражение произошло 1 августа 1798 г. между английской и французской эскадрой, в Абукирской бухте (Египет), причём английская эскадра под командой адмирала Нельсона разбила стоявшую на якоре французскую эскадру.

² Трафальгарское сражение произошло 21 октября 1805 г. у мыса Трафальгар (Испания). В этом сражении английская эскадра под командой того же адмирала Нельсона нанесла решительное поражение объединённой франко-испанской эскадре.

³ ЦГАДА. Рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца № 1481-а.

штаба русской эскадры, капитан 1-го ранга Михаил Петрович Лазарев.

О героизме «азовцев» и энтузиазме их говорит ещё и следующий случай: лейтенант Бутенев, несмотря на нестерпимую боль от раздроблённой ядром руки, всё время оставался у батареи, огнём которой он управлял, и только после приказа командира корабля он оставил её. В то время, когда ему начали ампутировать руку, он услышал раздавшееся на верхней палубе корабля могучее русское «ура» в честь победы над турецким адмиральским кораблём. Услышав возгласы и желая участвовать в выражении общей радости, Бутенев почти вырвался из рук окружающих его санитаров и, размахивая оставшейся рукой, он вместе с другими кричал «ура!», ободряя находившихся вместе с ним в кубрике-лазарете других раненых.

О выдержке и офицерской чести Бутенева Нахимов писал: «...Бедный Бутенев потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твёрдостью перенёс он операцию и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают марсовому уряднику, который прежде его был ранен...»¹

В числе «азовцев», отличившихся в бою, кроме Нахимова находились будущие герои Севастопольской обороны: мичман Владимир Алексеевич Корнилов и гардемарин Владимир Иванович Истомин. Последний во время боя командовал расчётом одного из орудий на верхней палубе.

В разгар сражения с корабля «Гангут» увидели быстро приближавшийся горящий турецкий брандер. Командир «Гангута» капитан 2-го ранга Авинов приказал обратить на него весь корабельный огонь, и брандер, немного не дойдя до корабля, погрузился в море. Вскоре взлетел на воздух и турецкий фрегат, пытавшийся сражаться с «Гангутом». На «Гангута» метким огнём артиллерии всё время управлял известный полярный исследователь Пётр Фёдорович Анжу, который, будучи ранен в голову и сделав наскоро перевязку, не оставил своего поста до самого окончания сражения.

Линейный корабль «Александр Невский» заставил турецкий фрегат сдаться в плен. Команда фрегата на другой день была отправлена на берег, а сам фрегат потоплен, флаг же его был после передан в дар Морскому корпусу. В рескрипте в связи с этим говорилось: «Дабы вид сего

¹ ЦГАДА. Рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца № 1481-а.

Наваринское сражение 8 октября 1827 г;

флага, напоминая подвиг 7-го линейного экипажа, вынуждал в младших питомцах желание подражать храбрым деяниям на том же поприще совершаемым, и ожидаемых от их юных сынов любезного отечества».

Фрегат «Константин» под командой капитана Хрущёва в разгаре боя спас английский бриг, сильно пострадавший в сражении и потерявший свой якорь.

Отважно дрались и все остальные русские корабли. Так, «Иезекиил» всё время вёл губительный огонь по вражеским кораблям. Командир его, капитан 1-го ранга Свинкин, был тяжело ранен в начале сражения в правый бок, но вместе с тем не оставлял своего поста, а после сделанной перевязки, стоя на коленях, придерживаясь за канат, продолжал командовать кораблём ещё около 4 часов, до самого конца сражения. Начальник русской эскадры, контр-адмирал граф Л. П. Гейден, в своём донесении о Наваринском бое писал:

«Капитаны и прочие офицеры российской эскадры исполняли долг свой с примерным рвением, мужеством и презрением всех опасностей: нижние чины отличались храбростью и повиновением, которые достойны подражания.

Неустршимый капитан 1-го ранга Лазарев управлял движениями «Азова» с хладнокровием, искусством и мужеством примерным; капитаны Авинов, Хрущёв, Богданович и Свинкин равно отличились»¹.

Английские и французские моряки в этом сражении проявили также большой героизм. Все корабли взаимно поддерживали друг друга. В разгаре боя английский корабль «Армида» отвёл египетский брандер, атаковавший французский адмиральский фрегат «Сирен», и этим спас фрегат. Через некоторое время ядрами с «Сирен» был подождён стоявший вблизи корабль противника. Начавшиеся на нём взрывы стали угрожать и самому фрегату. Тогда с него в плыв был послан матрос с концом на английский фрегат «Дартмут», откуда по концу передали кабельный трос, с помощью которого «Сирен» был выведен из опасной зоны.

Бой был с обеих сторон упорный. Турки и египтяне дрались настойчиво и храбро, но стрельба их была беспорядочной и недостаточно меткой. Кроме того, сосредоточение большого количества турецких и египетских кораблей без достаточных интервалов между ними вызвало излишние пожары и взрывы. Союзникам удалось к 5 часам вечера

¹ Е. В. Богданович, Наварин 1827—1877, изд. 1877 г., стр. 47.

почти уничтожить первую, наиболее сильную линию турецко-египетских кораблей, и они обрушили огонь по второй линии, корабли которой, не выдерживая огня, рубили канаты и пытались буксироваться к берегу. Многие из них при этом загорелись, взрывались и тонули, некоторые выбрасывались на берег. Вскоре поражение турецко-египетского флота стало явным.

В 6 часов вечера на кораблях русской эскадры, а несколько раньше на кораблях английской и французской эскадры был дан отбой, после чего корабли стали готовиться к отражению возможных ночных атак. Действительно, после полуночи одним из уцелевших неприятельских фрегатов была сделана попытка зажечь русскую эскадру. На «Азове» встретили нападение ружейным огнём и, во-время обрубив канат, уклонились в сторону. Брандер-фрегат налетел тогда на находившийся неподалёку линейный корабль «Гангут», врезавшись в такелаж его грот-мачты¹. Команда «Гангута» устремилась на фрегат, но встретила на нём одного только матроса, палительной свечой зажигавшего киливер. На палубе фрегата были разбросаны всякого рода горючие вещества. Густой дым валил из трюма. В этот критический момент капитан 2-го ранга Авинов приказал обрубить канаты якорей, чтобы оградить от опасности другие русские корабли. «Гангут» же с горящим фрегатом медленно вышел из линии. Бросив якорь, матросы и офицеры самоотверженно спешили отделить фрегат от своего корабля и потушить огонь. Вскоре перебравшиеся на неприятельский корабль «гангутцы» прорубили на нём в днище отверстия и затопили его.

В итоге Наваринского сражения союзными эскадрами были уничтожены из состава турецко-египетского флота 1 линейный корабль, 13 фрегатов, 17 корветов, 4 брига, 5 брандеров, 1 шхуна и большое количество транспортов, т. е. почти две трети турецко-египетского флота, причём на нём погибло около 7 тыс. человек.

Союзники не потеряли ни одного корабля, но многие корабли всё же сильно пострадали. Так, например, русский линейный корабль «Азов» получил 153 пробоины, из которых семь — подводных, кроме того, на нём были перебиты мачты. На английском флагманском линейном корабле «Азия» и на французском флагманском фрегате «Сирен» были потеряны бизань-мачты².

¹ Грот-мачта — вторая мачта, считая от носа.

² Бизань-мачта — третья мачта, считая от носа.

На союзных эскадрах было убито 177 и ранено 469 человек.

«В продолжение сей достопамятной битвы,—писал контр-адмирал Гейден,—три союзные флота соревновали один другому в храбрости. Никогда не видно было столь искреннего единодушия между различными нациями».

Во втором своём донесении о Наваринском бое Гейден писал:

«Единодушие, с которым действовали корабли соединённых эскадр, превосходит вероятие: казалось, что мысли всех обращены были к одной и той же цели и что эскадры сии принадлежали к одной и той же нации».

Отмечая успехи «Азова» в Наваринском бою, Гейден особо отметил заслуги в этом деле командира «Азова» капитана 1-го ранга Лазарева: «К чести капитана Лазарева должно присовокупить, что строгая дисциплина, ежедневные учения по пушкам и порядок, в коем служители всегда содержались, были причиной, что корабль «Азов» действовал с таким успехом в поражении и истреблении неприятеля»¹.

О Лазареве вскоре после боя так же писал и Нахимов: «...Я до сих пор не знал цены нашему капитану. Надобно было на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня не достаёт слов описать все его похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана»².

На следующий день после Наваринского боя уполномоченный турецко-египетской стороны Тагер-паша явился к Кодрингтону и сделал заявление, что впредь больше никаких неприязненных действий с их стороны произведено не будет. Заявление было принято с удовлетворением, так как начать войну против Турции не входило в планы английского и французского правительств. Пленные турки и египтяне, взятые во время боя, были немедленно отпущены. Корабли соединённой эскадры оставались стоять в Наваринской бухте до 14 октября, исправляя полученные в бою повреждения.

15 октября 1827 г. Гейден последовал вслед за английской эскадрой на Мальту, отправив фрегат «Елена» в Ан-

¹ Е. В. Богданович, Наварин 1827—1877, изд. 1877 г., стр. 47.

² ЦГАДА. Рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца № 1481-а. Письмо Нахимова — Рейнке.

кону, а фрегат «Кастор» — в Неаполь. На последнем был курьер, направлявшийся в Петербург с отчётами о Наваринском сражении и сведениями о состоянии судов. Фрегат «Константин» получил предписание также покинуть эскадру и идти в Архипелаг и Смирну, подле которых продолжать крейсирование, чтобы не допускать переброски войск турками. Французская эскадра из Наваринской бухты направилась в Смирну с такой же целью, а остатки турецко-египетского флота вскоре ушли в Александрию.

Русская эскадра прибыла на Мальту после 14-дневного плавания. При входе эскадры в гавань английская морская крепость салютовала ей 21 выстрелом, а расставленные на берегу английские войска приветствовали её возгласами и салютовали беглым огнём. Для больных и раненых русских заранее был приготовлен лазарет. После двухдневного карантина было приступлено к ремонту судов, который двигался медленно, особенно ремонт линейных кораблей, наиболее сильно пострадавших в сражении («Азов», «Гангут» и «Иезекиил»). По мнению Гейдена, они без капитального ремонта не могли долго держаться в море. Причиной медлительности ремонта был недостаток материала. На Мальте не имелось мачтовых деревьев; в конце концов мачтовые деревья всё же были доставлены морем на остров.

Благодаря напряжённой работе личного состава русских кораблей эскадра через некоторое время была вновь в полной боевой готовности.

Во время стоянки на острове Мальта из России было получено извещение о наградах участникам Наваринского боя. Командующий русской эскадрой контр-адмирал Логин Петрович Гейден получил чин вице-адмирала и орден Георгия 3-й степени. Командир «Азова» и начальник штаба эскадры Михаил Петрович Лазарев был произведён в чин контр-адмирала. Орден Георгия 4-й степени, высшую боевую награду для молодых офицеров, за проявленную выдающуюся храбрость в Наваринском сражении получили лейтенанты Павел Степанович Нахимов и Иван Бутенев (с линейного корабля «Азов»), Анжу и Готовцев (с линейного корабля «Гангут»). Кроме того, Нахимов и Бутенев были произведены в следующий чин — капитан-лейтенанта.

Корнилов был награждён орденом Анны 4-й степени и произведён в следующий чин. В числе многих других награждённых моряков русской эскадры был и гардемарин

Истомин, произведённый в чин мичмана и получивший за храбрость и отвагу Георгиевский крест¹.

Из кораблей эскадры наибольшая награда была пожалована линейному кораблю «Азов»; ему был вручён Георгиевский кормовой флаг и вымпел. Такой наградой до того времени в истории русского флота ещё ни один корабль не награждался².

IV

Значение Наваринского боя

тношения между Россией и Турцией после Наваринского сражения ещё больше обострились. Гейдену приходилось в связи с этим торопиться с готовностью своей эскадры.

Турция, подстрекаемая Меттернихом, запретила русским купеческим судам входить в Босфор. Из Турции стали изгонять русских подданных. 25 декабря 1827 г. русский посол в Константинополе известил Петербург, что турецкий султан провозгласил открытие «священной войны» против России «под знаменем пророка».

14 апреля 1828 г. в России вышел манифест об объявлении войны³. Эскадра адмирала Гейдена к этому дню уже находилась на месте, неся в водах Архипелага свою боевую вахту.

Потеря турецко-египетской эскадрой в Наваринском бою большей части своих кораблей имела большое стратегическое значение в возникшей войне между Россией и Турцией. Она во многом облегчила действия русского флота. То обстоятельство, что турецко-египетский флот вышел из боя ослабленным, позволило Черноморской эскадре почти без помех в течение 10 месяцев блокировать Босфор со стороны Чёрного моря.

В оперативно-тактическом отношении Наваринское сражение показало, что в турецко-египетском флоте не учли

¹ Георгиевскими крестами награждались нижние чины и в некоторых случаях младшие офицеры.

² Впоследствии в русском флоте в память героического линейного корабля «Азов» создавалась традиция иметь в строю всегда большой носенный корабль под названием «Память Азова».

³ Англия в войне с Турцией не участвовала, Франция объявила войну 26 апреля 1828 года.

горьких для него уроков Чесменского сражения (26 июня 1770 г.), когда артиллерией с русских кораблей и пущеными в ход брандерами были уничтожены стоявшие близко друг к другу на якорях в Чесменской бухте почти все суда турецкого флота (15 линейных кораблей, 6 фрегатов и до 80 мелких судов). Турки попрежнему сосредоточили огромное количество кораблей и транспортов в одной бухте вблизи друг от друга, отчего взрывы и пожары с одного корабля зачастую передавались на другие и производили сильное уничтожение рядов эскадры. Турецко-египетские артиллеристы, несмотря на близкое расстояние, стреляли плохо; кроме того, с их стороны было ошибочным то, что они стремились бить по рангоуту и такелажу. Последнее имело бы ещё смысл в открытом море, чтобы лишить корабли противника возможности движения и управления, а следовательно и маневрирования. В обстановке боя на якорю такая стрельба была мало целесообразной и вела лишь к излишней трате ядер. Если бы, например, «Азов» получил не семь пробоин в подводной части и в нижнем деке, а хотя бы четвертую или пятую часть из общего количества 153 попаданий, имевших место в течение боя, едва ли этот корабль смог бы выдержать бой в продолжение 4 часов.

Как положительный момент в действиях турецко-египетского командования следует отметить правильность построения кораблей в виде полумесяца. Такая форма расположения в данном случае давала больше возможности сосредоточить огонь многочисленной артиллерии турецко-египетского флота, состоявшего из большого количества мелких и средних кораблей.

В свою очередь установка союзной эскадрой своих кораблей на якорь в бухте, что подвергало их опасности соединённого огня со стороны большей части турецко-египетского флота и нападения брандеров, являлась тактически необоснованной. Именно этим объясняется большое количество повреждений, полученных кораблями союзной эскадры. И только отсутствием должной организованности на эскадре турецко-египетского флота и недостаточной меткостью стрельбы их кораблей можно объяснить, что дело кончилось без потерь.

Диспозиция для кораблей союзных эскадр Кодрингтоном была составлена, не исходя из тактической целесообразности, — она в основном учитывала дипломатические соображения. Английский адмирал опасался, например, ставить

французские корабли рядом с русскими, боясь взаимных осложнений между ними. Кодрингтон считал, что не угасло ещё враждебное отношение русских к французам, возникшее в период Отечественной войны 1812 г. Кроме того, Кодрингтон стремился поставить французские корабли обязательно против египетских фрегатов в связи с тем, что на некоторых из последних офицерами служили французы. В результате построение не предусматривало создания против наиболее сильных кораблей турецкой линии мощных огневых соединений.

Наваринский бой ещё раз показал, что решительное нападение на противника и максимальная активность есть лучшая форма боя, что блестяще было доказано кораблями объединённых эскадр. Турецко-египетский флот пассивно выжидал, стоя в бухте, и позволил кораблям объединённых эскадр навязать бой в стеснённых для себя условиях.

В качестве положительного момента в действиях командиров союзных кораблей следует отметить крепкую взаимную поддержку, которую они оказывали в бою друг другу, и проявленную ими при этом инициативу. Так, например, французский корабль «Бреслав», вопреки диспозиции, в нужный момент выбрал для себя место, где он мог быть в бою наиболее полезен, и встал на якорь между «Альбионом» и «Азовом».

К тактической ошибке союзников надо отнести то, что в начальный период сражения при входе в бухту не были предусмотрены сколь-либо серьёзные действия, направленные к подавлению и захвату береговых турецких батарей, прикрывавших вход в гавань. Не были предусмотрены ни выделение для этой цели кораблей эскадры, ни высадка десантных отрядов. Лишь после, в ходе сражения, отдельные французские корабли занялись подавлением батарей. Полное отсутствие какого-либо слаженного взаимодействия между береговыми батареями и турецко-египетским флотом и вообще их малая активность способствовали тому, что эта тактическая ошибка английского адмирала не привела к неприятным последствиям для кораблей союзной эскадры.

Действия союзных линейных кораблей показали превосходство артиллерийского огня одного большого корабля над огнём многих более мелких кораблей, имевших в сумме равное или даже большее количество орудий. Факт этот объясняется тем, что управление огнём с одного большого корабля было проще, чем со многих

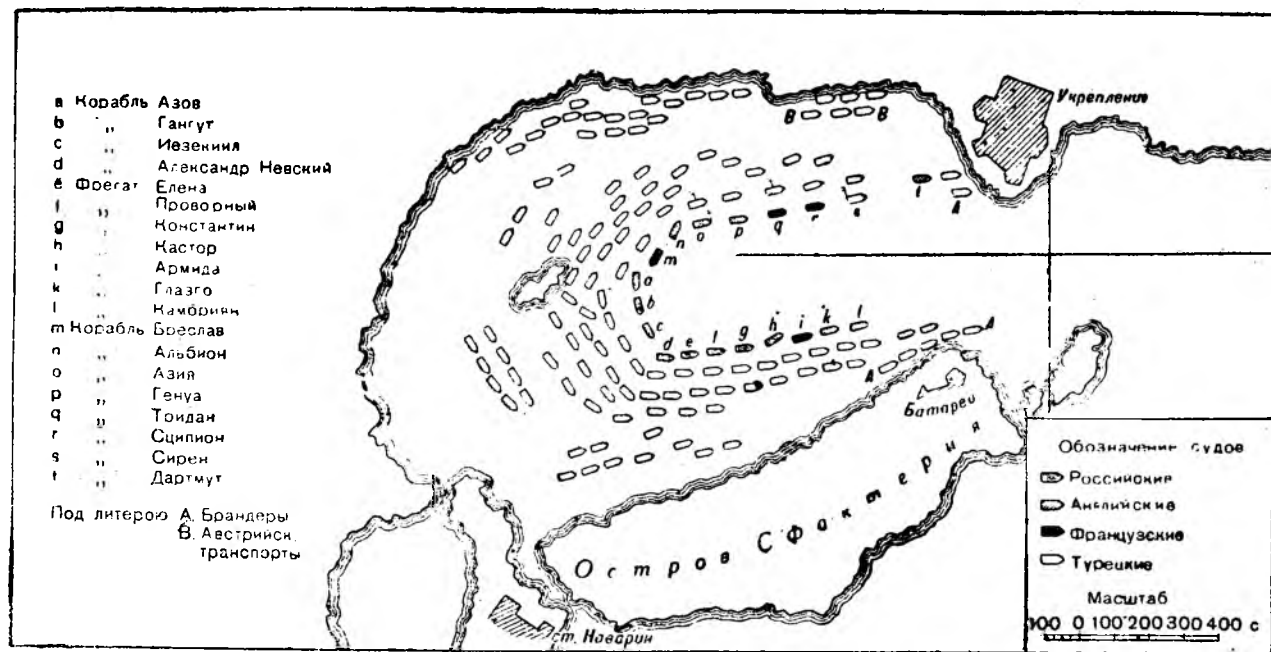

Схема Наваринского боя

мелких, и стрельба давала большие результаты; кроме того, с больших кораблей, как правило, применялись орудия более совершенные и большего калибра.

Наваринский бой показал, что, несмотря на имевшую место, особенно в первой четверти XIX в., вредительскую деятельность ряда иностранцев, находившихся на русской службе во главе Военно-морского министерства (де Траверс, фон Моллер и др.), русский флот сохранил свою боевую мощь и с честью поддержал свои славные боевые традиции.

В Наваринском сражении особенно ярко были продемонстрированы мастерство русских командиров и хорошая выучка команд, выразившиеся в прекрасных результатах стрельбы русской судовой артиллерии и в том, что русские корабли в образцовом порядке под сильным огнём противника встали на якорь.

Победа под Наварином сыграла большую политическую роль. То обстоятельство, что три великих европейских державы в 20-х годах XIX в. пришли на помощь греческому народу, имело прогрессивное значение: этим совместным выступлением наносился тяжёлый удар системе реакционного Священного союза¹. Создалось крайне противоречивое положение, когда основные и сильнейшие члены союза, как Россия и Франция, стали содействовать делу, противоречащему основным целям, принятым в основу существования этого союза. Меттерних, вершитель политики немецких государств, усматривал в Священном союзе не только международное жандармское управление, но и рассчитывал путём всевозможных интриг использовать его в целях захватнических устремлений. Однако на этот раз он оказался изолированным и обманутым в своих расчётах.

Наваринская битва оказала решающее влияние на исход борьбы греков за свою независимость. После победы под Наварином национально-освободительная борьба греков развернулась с новой силой. Из некоторых областей, как, например, из Эпира и Морей, в которых до того восстание было подавлено, турецкие войска были изгнаны. Турция, имея сильно ослабленный флот, не могла производить блокаду греческого побережья в прежних размерах. Это

¹ «Священный союз» — реакционная организация, созданная в 1815 г. Францией, Россией и Австро-Венгрией после победы над Наполеоном, под предлогом защиты «старого законного порядка»; она имела своей основной целью борьбу с революционным движением.

обстоятельство облегчало повстанцам получение морем необходимой помощи извне как людьми, так и снаряжением. Возникшая в апреле 1828 г. война между Россией и Турцией способствовала тому, что большая часть турецкой армии была занята на фронте, и Турция не могла использовать свою армию против повстанцев.

В ходѣ русско-турецкой войны 1828—1829 гг. греки, в свою очередь, оказывали существенную услугу русским. Так, например, в то время, когда летом 1829 г. шло наступление русских войск против турок на территории Болгарии, войска греческих повстанцев производили наступательную операцию против турецких войск со стороны Эпира и Фессалии. 20 августа 1829 г. русская армия достигла Адрианополя, а ещё через несколько дней русские авангарды подошли почти к самым предместьям Константинополя. Турция dospешила заключить мир.

Россия вышла из войны победительницей и заключила мир на выгодных для себя условиях. Поражение, которое в конечном счёте нанесено было Россией Турции, заставило турецкого султана при заключении Адрианопольского мира (14 сентября 1829 г.) принять условие России и признать независимость Греции.

Греческий народ всегда помнил своих друзей, помогавших ему в борьбе за независимость. Имена «наваринцев» были особенно почитаемы в этой стране.

В священной Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков советские моряки вписали много ярких новых страниц в героическую историю русского военно-морского флота, умножая славные исторические традиции Гангута, Чесмы, Наварина и Синопа.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Национально-освободительная борьба в Греции и вмешательство европейских держав	3
II. Поход русской эскадры	6
III. Наваринский бой	15
IV. Значение Наваринского боя	26

Редактор *Н. Фройнд*

Подписано к печати 29 января 1945 г. А12246. Объем 2 п. л.
Тираж 50 тыс. экз. Заказ № 633. Цена 50 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа
при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.